
ЛИТЕРАТУРА XX–XXI вв.

Зарубежная литература

УДК 821.111:39 (470)+821.111:94 (470)

КРАСАВЧЕНКО Т.Н.¹ ЭДВАРД ДОКС И ЕГО РОМАН «ПРАВДА / ПОМОГИ СЕБЕ САМ» (2007).

DOI: 10.31249/lit/2022.01.10

Аннотация. В основе романа «Помоги себе сам» современного британского писателя Эдварда Докса – художественно переосмысленное событие из жизни автора, позволившее ему сопоставить в романе два мира – Англию и Россию – и выявить их взаимосвязь и взаимозависимость. Английский мир, казалось бы, более комфортный для жизни, однако люди в нем – по многим причинам – одиноки и несчастливы, о чем свидетельствуют судьбы всех британских персонажей романа. Русский мир холоден, жесток, он напоминает преисподнюю; человеку, тем более обладающему талантом, очень трудно в нем жить и оставаться на плаву. Э. Докс явно признает: у каждого, неважно в Англии или в России, свой ад, но мир в целом, несмотря на все различия, един, хотя выручить человека может только он сам, его семья и друзья. Писатель создает в романе оригинальный, выразительный «петербургский текст», редкий в английской литературе.

Ключевые слова: современный английский роман; традиции Диккенса и Достоевского; русские и англичане; имагология.

Для цитирования: Красавченко Т.Н. Эдвард Докс и его роман «Правда / Помоги себе сам» // Социальные и гуманитарные науки. Отече-

¹ Красавченко Татьяна Николаевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела литературоведения ИНИОН РАН.

ственная и зарубежная литература. Серия 7. Литературоведение. – 2022. – № 1. – С. 144–159. DOI: 10.31249/lit/2022.01.10

KRASAVCHENKO T.N. Edward Docx and his novel *Self help* (2007).

Abstract. The base of the novel *Self help* is an artistically transformed event of the life of its author – contemporary British writer Edward Docx, – which allowed him to compare two worlds – England and Russia – and reveal their interrelationship and interdependence. English world seems to be more comfortable, but the people living there – by some reasons – are lonely and unhappy. The fates of all the British characters in the novel testify to this. The Russian world is cold and cruel, it is like hell. It is very difficult for a person, especially a person with talent, to live in it and stay afloat. E. Docx clearly admits: everyone, either in Britain or in Russia, has their own hell, but the world, in spite of all its differences, is a unified whole. And only you yourself, your family and your friends can help you out. The writer created an original, expressive “Petersburg text” in his novel, which is rarely to find in the English literature.

Keywords: contemporary British novel; traditions of Dickens and Dostoevsky; Russians and British; imagology.

To cite this article: Krasavchenko, Tatiana N. “Edward Docx and his novel *Self help* (2007)”, *Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 7: Literary studies*, no. 1, 2022, pp. 144–159. DOI: 10.31249/lit/2022.01.10

Эдвард Докс (р. 1972, Ньюкасл) – известный британский романист – предпочел своей старинной и весьма распространенной в Англии и США фамилии – Партридж (Partridge) современный, лаконичный, выразительный псевдоним: досх – название формата микрософтовского текстового файла, как известно, доступного не всем, а лишь некоторым программам (тем самым романист, возможно, намекает на то, что ему нужен понимающий читатель).

Докс – родом из старинной привилегированной британской семьи в основном потомственных военных. Истоки ее, по его свидетельству, восходят к периоду ранних Плантагенетов [6]. Эдвард закончил школу Сейнт-Бид в Уолли Рейндж, Манчестер, затем

колледж Христа в Кембриджском университете, где изучал английскую литературу.

В настоящем Докс известен не только как романист, но и как журналист леволиберальных взглядов, печатающийся в Англии и США и не раз номинированный на премию Джорджа Оруэлла. Он постоянно публикуется в газете «Гардиан», в ведущих британских журналах «Нью-Стейтсмен» и «Перспектив», работает на телевидении и радио Би-би-си. Активно выступал против выхода Великобритании из Европейского Союза.

Докс – автор четырех романов: «Каллиграф» (*Calligrapher*, 2003) – о Джоне Донне и его поэзии, «Правда», который в Британии опубликован под названием «Помоги себе сам» (*Self help*, 2007), «Сад дьявола» (*The Devil's garden*, 2011) и «Отпусти мою руку» (*Let go my hand*, 2017).

Особого внимания заслуживает его второй роман, номинированный на премию Букера и получивший британскую литературную премию *Geoffrey Faber Memorial Prize* (2007)¹. Импульсом для его создания стали воспоминания о детских годах. Бабушка писателя – Мано, мать его мамы Лилы, была родом из богатой семьи браминов, жившей в Хайдарабаде (южная Индии). Полюбив британского офицера Ральфа Партриджа-младшего, она, несмотря на то что ее семья была против, вышла за него замуж, уехала в Англию и на родину больше не возвращалась. Когда Эдварду было тринадцать (он был старшим из семи детей в семье), а его маме 34, бабушка Мано перед смертью призналась Лиле, что ее родная мать не она, а русская балерина, с которой у ее бабушки – Ральфа Партриджа-старшего – был кратковременный роман. Когда родилась Лиля, он отдал ее своему старшему сыну от первого брака – Ральфу-младшему, который уже был женат на Мано; их Лиля и считала своими матерью и отцом – «Ма и Па». Они воспитали Лилу как родную дочь, наряду с двумя другими – своими – детьми; она ста-

¹ Премия размером в 1500 фунтов была учреждена в 1963 г. в память о Джеффри Фейбере (1889–1961), британском поэте и деятеле культуры, основавшем в 1929 г. издательство «Фейбер». Она присуждается лучшему автору года – поэту или прозаику до 40 лет. Среди ее лауреатов были Тимоти Мо (1979), Дж.М. Кутзее (1981), Джулиан Барнс (1985).

ла биохимиком, получив университетское образование, которое оплачивал ее настоящий отец, считавшийся дедушкой [3; 6]. Это сохранялось в тайне, но в одночасье открылось, и все в семье перевернулось, хотя многое оставалось неясным.

Лила бурно отреагировала на изменение своей национальной идентичности. Она начала носить длинные русские платья, накупила книг о России, карты СССР, развесила по дому русские иконы, бросила науку, занялась бизнесом – открыла агентство для исполнителей классической музыки и стала устраивать фортепианные концерты, где звучали сочинения Мусоргского, Рахманинова, Чайковского, в перерывах угощала гостей блинами и русскими пирогами. Она не вылезала из библиотек – искала все что можно о матери – упоминания о ней, ее фотографии в книгах о балете. Но в конце концов успокоилась, поняв, что надо жить не прошлым, а настоящим, и «приняла свое русское наследство». По словам Э. Докса, он принял его вслед за ней: «Начал ездить в Россию, чтобы больше узнать о ней. Прочел русских писателей – Толстого, Достоевского, Тургенева, Булгакова – задолго до того, как по-настоящему понял их» [3].

В романе «Помоги себе сам» писатель художественно переосмыслил семейную драму и проблему идентичности человека, вписав их в большой мир двух стран.

Роман начинается со слов: «Он испытал облегчение, снова оказавшись среди русских. И почувствовал это не умом или даже сердцем, а душой» [1, р. 7]¹ – тут ясно: Докс внимательно читал «Анну Каренину» и усвоил у Толстого, что роман должен открываться ударной фразой. «Он» – это 32-летний Габриель Гловер, который после тревожных телефонных звонков его матери Марии (она русская) приехал из Лондона в Петербург и нашел ее мертвой в арендованной ею петербургской квартире (у Марии был рак легких, и ее смерть была не внезапной, но от этого не менее горестной для Габриеля и его сестры-близнеца Изабеллы, которая позднее прилетела из Нью-Йорка).

¹ Здесь и далее цитаты из романа даны в переводе автора статьи. – Т. К.

Еще находясь в аэропорту, Габриель размышляет о русских как о народе, привыкшем к ожиданию [1, р. 9], и вспоминает, что мать говорила его деду Макс: «Различие между русским характером и западным в том, что мы, русские, научились жить с пониманием: что бы ни происходило во времени, в конце концов солнце превратит человечество в пепел. Это взгляд на жизнь, противоположный Американской мечте. Его можно назвать русским фатализмом» [1, р. 10].

Габриель и Изабелла понятия не имеют о том, что в Петербурге у них есть брат – Аркадий Артаменков. Когда-то в глубоко советские времена их мать, Мария Гаврилова (тогда ей был 21 год), начала работать в партийном секретариате, и на нее обратил внимание высокопоставленный чиновник. Однажды он приехал к ней домой и повел себя несдержанно. Мария забеременела, родила мальчика, и ее мать, чтобы спасти карьеру дочери, забрала ребенка к себе. Вскоре Мария, сопровождавшая своего партийного шефа, на одном из приемов, устроенном для своих советских знакомых британским дипломатом Максом Гловером, познакомилась с его сыном Николасом, который влюбился в нее. Через шесть месяцев они поженились и поселились в Лондоне, где она устроилась на работу в одну из английских газет помощником редактора. Приезжать в СССР, где ее считали предательницей, «перебежницей», она не могла. Мать и сестра на ее письма не отвечали. Она даже не узнала об их смерти и о том, что ее сын Аркадий попал в детский дом, который потом называл «стойлом для свиней» [1, р. 51]. В детстве у Аркадия обнаружили музыкальные способности, он поступил в музыкальную школу, где учился игре на фортепиано, самозабвенно тренировался по десять часов в день, играл блестяще, читал партитуры – музыка была его первым языком, и главную цель своей жизни он видел в том, чтобы стать пианистом. Он был известен в Ленинграде как вундеркинд и считался гордостью молодежных оркестров, а в 1984 г. играл для самого Горбачёва [ibid]. Аркадию было 17, когда его должны были принять в Петербургскую консерваторию; казалось, будущность «международной звезды» ему обеспечена, но тут страна «развалилась» [1, р. 52], обучение в консерватории стало платным, а денег у него не

было. Заметим, что автор романа, будучи иностранцем, не учитывает всех деталей изменившейся российской жизни: для поступающих в консерваторию сохранялись и бюджетные места, но конкурс на них был очень велик, кроме того, сохранялась система протезирования абитуриентов (кстати, система протезирования на разных уровнях очень развита и в Британии), а у Аркадия, несмотря на все его дарования, протекции не было.

По возрасту ему пришлось покинуть детдом и искать работу по своей «второй профессии» – электрика. Его поступление в консерваторию откладывалось из года в год. Он попробовал поступить в нее без спонсора, но ничего не вышло – нужны были деньги. Последние годы миллениума он продавал стереокассеты на Сенной днем, а по вечерам играл «всякую ерунду» в баре одного из петербургских отелей [1, р. 52]. Иногда выступал в джаз-оркестре.

Как только стало возможно, Мария приехала в Петербург, чтобы найти сына. С помощью частного детектива ей это удалось. Ее посланница по имени Зоя пришла к Аркадию, который вместе с музыкантом из оркестра и с другом по детскому дому снимал две комнаты на задворках Лиговского проспекта. Когда Зоя предложила ему встретиться с матерью в кафе и показала ее фото, он согласился, думая, что это, конечно, обман. Пройдя «школу» детского дома, познав бедность и беспомощность, он знал, что возможно все что угодно, любые подделки и обманы; он видел, как много страшного случалось с «несчастливыми отчаявшимися отбросами» [1, р. 41] – детьми из детских домов, о чем не ведали «граждане этой страны» [1, р. 40]. В кафе он увидел хрупкую темноволосую женщину с голубыми глазами в элегантном черно-сером пальто, она была чуть ниже среднего роста, но держалась так уверенно и гордо, что возникало впечатление, будто она выше. Когда она подошла к столику, он понял, что она с трудом держала себя в руках [1, р. 41].

Аркадий, высокий, «гибкий, как сибирская рысь» [1, р. 47], с непокорными светлыми волосами, с бирюзовыми, глубоко посаженными глазами, с «загадочным, непроницаемым лицом короля-пророка в обличье бродяги» [1, р. 48], небритый, молчаливый,

взъерошенный, в мокрой от дождя шинели, в старых джинсах, в ботинках, оставлявших грязные следы, ждал встречи, готовый ко всему. Единственное, к чему он не был готов, что эта женщина «действительно его мать» [1, р. 41]. А это он сразу понял по тому, как забилося сердце [1, р. 42]. Она рассказала ему свою историю и объяснила, что вернулась только для того, чтобы найти его и помочь. Слушая ее, он испытывал боль и гнев: ведь бросив его, именно она подвергла его всему, что он пережил. И теперь он ничем не хотел делиться с ней, даже ненавистью. «Она не дала ему ничего. И ничего не получит от него. Она бросила его. Теперь он бросит ее» [1, р. 44]. И он ушел, сказав ей: «Я больше никогда не хочу Вас видеть» [1, р. 45].

Тут на авансцену романа выходит Генри Увейленд, застенчивый, худой, угловатый сорокадвухлетний англичанин. Его воспитала мать-католичка, и после развода с мужем, отцом Генри, ее религиозность усилилась. Генри она обожала и хотела, чтобы он стал католическим священником. Не решившись ей возразить, он поступил в семинарию. Но вскоре мать попала под машину и умерла. Для Генри вера уже давно превратилась в фарс, он бросил семинарию, стал учителем в средней школе, а когда ему было 34, ушел и из учителей (дети его не слушались), продал домик матери в Рединге и решил путешествовать. Он побывал в Таиланде, Камбодже, на Филиппинах, в Тунисе, в Ливии, Египте, Иордании, Сирии, Турции, Греции, потом жил в Индии в европейской общине, где приобщился к наркотикам. Затем проехал через Душанбе, Ташкент, Караганду, Астану, Омск в Москву, а оттуда перебрался в Петербург, влюбился в этот город, поселился в нем и нашел себе там постоянного наркодилера. Пять лет он понемногу тратил свой капитал и периодически зарабатывал, давая уроки английского. И хотя наркотики стоили в Питере дешевле, чем где-либо, кроме Афганистана, его капитал таял, осталось несколько тысяч фунтов, и он понимал, что надо что-то делать: учеников становилось все меньше. И тут он с другими англичанами попал на выступление джаз-оркестра «Чернобыльские мангусты» и увидел Аркадия, который играл так, что, казалось, ему принадлежал не только его инструмент, но и все пространство и время вокруг, как будто его во-

ля воплотилась в клавишах, и музыка казалась чудом, воплощением гармонии, ритма, человеческого таланта и противостоянием для тьмы бытия. Большой знаток и любитель классической музыки, Генри сразу оценил игру Аркадия. И когда талантливый музыкант позже подсел за их столик, Генри, желая хоть как-то помочь ему, предложил давать уроки английского за полцены. Аркадий согласился и, хорошо подготовившись, дважды в неделю стал приходить к Генри. А через несколько месяцев Генри купил Бехштейн – элитное немецкое пианино, и его квартира на Невском проспекте стала залом для репетиций Аркадия. По инициативе Генри они вместе сняли квартиру подешевле на Васильевском острове. Генри оплачивал ее, еду, счета, а Аркадий репетировал днем и часто исчезал по ночам [1, р. 55]. После провальной встречи Аркадия с Марией, Генри, понимая, какой это шанс для его друга, встретился с нею, и они договорились, что Мария оплатит поступление и учебу Аркадия в консерватории, а также книги, жилье, питание и все счета сына. Генри сообщил Аркадию об этом, тот принял это молча и даже не поблагодарил его.

О смерти Марии Аркадий узнал во время джазового концерта. Генри понял это по его игре: он самозабвенно импровизировал, играл отчаянно – на пределе! Когда его надежды вновь рухнули, он дал себе тайную клятву: не садиться больше за фортепиано, пока не узнает, что будет играть всегда [1, р. 107]. Он начал второй курс консерватории, и, чтобы закончить учебу, ему были нужны 20 тысяч долларов. Возможно, ближайший семестр Мария успела оплатить. Но было ясно, что если платы не будет, то коррумпированные члены комитета консерватории (тут неясно, что автор имеет в виду: то ли некий попечительский совет, то ли просто учебную часть или ректорат консерватории, ему важна не достоверность деталей, а «тенденция»), несмотря на просьбы и рекомендации профессоров, конечно, выгонят его. В отчаянии он решил искать помощи у британских родственников.

Но Габриель и Изабелла, похоронив мать в соответствии с ее волей на Смоленском кладбище в Петербурге, уже улетели в Лондон.

И тут на помощь Аркадию вновь пришел слабый, маргинальный, находящийся в крайне уязвимой позиции Генри, который в служении таланту Аркадия видел оправдание своей жизни, свое «призвание, неважно реальное или воображаемое» [1, р. 228]. Он отдал Аркадию на визу и билет в Лондон свои последние деньги, снабдил его письмом для Изабеллы и Габриеля, где описал историю Марии и Аркадия как ее свидетель и участник; он свел Аркадия со всемогущим уполномоченным наркосиндиката в Петербурге – Лири (Всеволод Лириченко), который быстро (конечно, за деньги), поскольку ему был нужен Генри, достал Аркадию заграничный паспорт с визой.

И вот Аркадий – в Лондоне, где у него десять ночей, потом он должен вернуться обратно. Некоторое время ушло у него на поиски адреса Габриеля. Ночевал он в хостеле Пэтс Плейс, изобиловавшим мышами и отвратительном даже по русским стандартам [1, р. 387]. Он воспринимал Лондон как неведомый, опасный город: в «России он знал, какой может быть любая опасность <...> Здесь и теперь он ничего не понимал. Он был слеп <...> боялся полиции, боялся ограбления», боялся потери паспорта, денег, «боялся насилия» – драться и защитить себя он не мог – «ему надо было беречь руки» [1, р. 390, 391]. Но только в Лондоне Аркадий наконец почувствовал, что он – сын своей матери, «почувствовал не умом, а нутром» [1, р. 449].

А Габриель и Изабелла погрузились в свою повседневную жизнь. Семья их была благополучной, состоятельной, привилегированной, их детство прошло в престижном районе Хайгейт. Дед Макс, когда учился в Кембридже, был членом тайного общества «Апостолы» [1, р. 313], потом стал успешным дипломатом. Отец – Николас был знатоком искусства, собирал картины, издавал журнал по искусству. В свое время Габриель хотел стать театральным режиссером, этого очень желала и его мать, верившая в то, что он способен оживить британскую сцену. Она была «душой семьи», и именно она объясняла Габриелю: «В искусстве мы говорим с самими собой через поколения, искусство – это путеводная звезда, идеал человечества, остальное – погоня за пропитанием и деньгами» [1, р. 78]. В свое время Габриель поставил экспериментальный

спектакль по одной из комедий Шекспира. Но вышла разгромная рецензия, как потом выяснилось, написанная его отцом – Николасом Гловером, который очень странно относился к сыну, даже вредил ему. В результате Габриель отказался от своей мечты и стал журналистом. Он написал исследование «Помоги себе сам» – как справляться со своими бедами [1, р. 113]. Будучи редактором успешного международного ежемесячного журнала с тем же названием – *Self Help* [1, р. 235], он демонстрировал широкий взгляд на жизнь, размышлял о войнах, голоде в других странах, об обществе потребления, однако не мог решить свои личные проблемы: разрывался между двумя женщинами – Линой и Конни. Ему, в отличие от Аркадия, не хватало решительности, целеустремленности и способности к действию. Перспектива женитьбы на умной, красивой девушке, мысли о детях, семейных завтраках, барбекю с друзьями по уикендам, пикниках летом казались ему тошнотворными и депрессивными. Он сам не мог понять, почему ему становилось плохо, когда Лина покупала ему носки, по цвету подходившие к его джемперу [1, р. 287]. Ему хотелось чего-то другого – любви, хаоса, боли, уводивших его с этого «магистрального пути» [1, р. 288].

Изабелла традиционно для их семьи в свое время поступила в Кембриджский университет, где изучала современные языки, но ушла оттуда, не завершив первый семестр: университет показался ей «собранием самых скучных людей в стране» [1, р. 137], а одноклассники – невыносимой «смесью наивности и самодовольства» [1, р. 130]. Она не могла найти себя, и Мария дала ей совет: «помни простую и основополагающую цель: уменьшай страдание, где бы ты его не обнаружила» [1, р. 134]. В конце концов Изабелла поступила в Гарвард на курс магистра делового администрирования. Мать отнеслась к этому с иронией: «Они убедят тебя в том, что бизнес – это мотор, а деньги топливо, Иззи. Но что бы они ни говорили, будь уверена: ни то, ни другое не может быть путем в жизни, ее смыслом. Помни это. Кого ты будешь слушать на смертном одре? Моцарта или главного менеджера?» [1, р. 197]. Уехав из Нью-Йорка на похороны матери, Изабелла одновременно лишилась работы и рассталась со своим бойфрендом; теперь она начи-

нала с «чистого листа»: Габриель помог ей найти работу на телевидении в Лондоне – помощником продюсера в новом шоу.

Аркадий появился в Лондоне, когда у Габриеля был личный кризис – он расстался с обеими своими девушками и теперь переезжал из квартиры, в которой четыре года жил с Линой, в другое место.

В суматохе переезда он забыл о том, что назначил на воскресенье встречу Аркадию, и когда тот пришел в квартиру Габриеля, то застал там Изабеллу, пакующую вещи, а на улице уже ждала машина. Первое впечатление Изабеллы от Аркадия: высокий изможденный мужчина с глубоко посаженными бирюзовыми глазами, одетый в ужасный темно-коричневый костюм [1, р. 414]. Он говорил с восточно-европейским акцентом, она поняла, что он как-то связан с ее матерью, и назначила ему встречу в пятницу – ей и в голову не пришло, что он может быть в Лондоне проездом [1, р. 427]. Наконец, в пятницу, едва не забыв об этом, она встретилась с Аркадием и, взглянув на него повнимательнее, увидела его несколько по-иному: «Впалые щеки, чисто выбрит, немного выдающаяся челюсть чуть с вызовом, несмотря на попытку улыбки; нос, губы и брови ровные, как на иконе, и глубоко сидящие бирюзовые глаза – его лицо на секунду поразило ее, как лицо человека какого-то древнего племени неизвестной цивилизации. Не красивый – но к такому лицу глупо применять определение красивый – поразительное, архетипическое, как на античных вазах или как лица, высеченные из камня» [1, р. 456].

Изабелла привезла на встречу Габриеля, и они узнали, что на самом деле их отец – это их дед Макс, который попросил сына Николаса и его жену Марию усыновить их, и Аркадий – единственный родной сын их приемной матери – Марии, а их собственная родная мать – русская балерина Анастасия Андреева, танцевавшая в кордебалете Кировского театра, давно умерла в Ленинграде. Так Э. Докс обыграл в романе собственное «семейное землетрясение».

В результате Изабелла и Габриель помогли Аркадию. Они встретились со своим «отцом», точнее, «сводным братом» – Николасом, с которым не виделись и не разговаривали десять лет.

В 1991 г. он известил их и Марию о смерти деда Макса, забрал все деньги и исчез. Теперь этот *bonvivant*, бисексуальный эротоман и эрудит жил в Париже, в элитарном районе – на острове Людовика на Сене [1, р. 64], писатель сравнил его Дорианом Греем, если бы тот дожил до 60 [1, р. 63]. Для Николаса Мария – единственная женщина, которую он любил и которая понимала его и проявляла к нему терпимость [1, р. 67–68]. Незадолго до ее смерти он побывал в Питере и провел с ней три дня, стараясь ее поддержать. Как ни парадоксально, именно в уста этого самого грешного из своих персонажей писатель вложил, вероятно, свои сокровенные мысли о том, что все «хаос и путаница, <...> и если ты живой, то нет ничего ясного, и ты понимаешь, что ничего не знаешь. Природа человека, само сознание его – таинственны, подвижны, непостижимы, непостоянны» [1, р. 67]. Николас страдал не только из-за того, что его жизнь с 16 лет была «сексуальным хаосом» и лишь четыре года с Машей – отдыхом [1, р. 204, 207], но и из-за того, что, обладая художественным вкусом, он не имел настоящего таланта, в чем видел «проклятие богов, если таковое существует» [1, р. 204]. Теперь Изабелла возложила на него обязанность на ближайшие десять лет – материально обеспечить Аркадия, единственного в их семье обладателя подлинного таланта.

Николасу также принадлежит и другое важное для Докса высказывание: «Половина мира жаждет воды и свободы, а вторая половина заказывает коктейли и жалуется на обслуживание» [1, р. 67].

Показанная в романе Россия принадлежит, конечно, к первой половине мира. И тут особое место занимает образ Петербурга в начале 2000-х годов – с его ветшающими жилыми кварталами, алкашами, наркоманами, бедными музыкантами. Оказавшись на Смоленском кладбище, Генри невольно думает о том, что оно, как и весь Петербург, расположено на «костях тех, кто создал этот город на болотах» [1, р. 74]. А Аркадий, бредущий по ночному Питеру, замечает, что «именно в эти мертвые часы, когда Петербург сбрасывал свои глянцево-европейские наряды и снова становился бедным и темноликим крестьянином, свершались реальные дела в России» [1, р. 171]. Докс, как заметила британская писательница и

критик Камила Шамси [5], обладает почти диккенсовской способностью воспроизводить атмосферу города; он мрачно, но поразному описывает Петербург и Лондон: петербургское зимнее небо «холодно жестокое» (cold gruel), лондонское – напоминает «подбрюшье больного серого тюленя» (the underbelly of a sick grey seal).

В восприятии Габриеля Петербург оказывается в эпицентре «угрозы». Сидя в вестибюле гостиницы «Европейская» в ожидании Изабеллы, Габриель слушает разговоры о Чечне, смотрит по телевидению репортажи со всего мира и ощущает «в воздухе присутствие насилия. Варварство и вызывающий дрожь страх. Даже в отеле везде была полиция – уверенная в своей власти. <...> Кажется, весь город (страна, мир) под угрозой, осаждены... Но кем? Что произойдет дальше было неясно» [1, р. 153].

Но, пожалуй, самая страшная в романе – линия «бандитского Петербурга». Лири и его агент Гриша давят на Генри, чтобы тот вписался в разрастающуюся, но крайне осторожную иностранную общину, в которой они видят источник потенциальной прибыли – потребителей наркотиков, однако понимают, что там будут доверять только западному поставщику [1, р. 96]. Генри отчаянно сопротивляется. Тогда по наущению Лири Гриша проникает в квартиру Генри, разбивает «Бехштейн» и забирает львиную долю его денег, чтобы Генри остался без средств и был вынужден обратиться за помощью к Лири. Конечно, все это могло произойти в любом другом городе или в другой стране, но в романе Докса агония Генри предстает как органичная часть «петербургского пейзажа».

После отъезда Аркадия в Лондон Генри жил уже «на последнем дыхании»: он понимал, что с наркотиками надо кончать, на чем настаивал и Аркадий, но был не в состоянии сделать это. И придя домой, поставил Вивальди, выпил водки и вколол себе дозу, зная, что умрет [1, р. 420].

Светлых картин прекрасного Петербурга в романе нет, лишь однажды из большого окна квартиры, арендуемой Генри и Аркадием, открывается роскошный вид на Финский залив: низкие тучи на небе быстро движутся туда, где освещенное солнцем небо смыкается с Балтийским морем [1, р. 49].

Действие романа происходит не только в Петербурге, но также в Лондоне и Париже. И писатель неизменно с наслаждением обыгрывает топонимику этих городов, приводит описания городских пейзажей, событий и создает своеобразный «лондонский», «парижский» и особенно «петербургский текст» английской литературы. Подобный выразительный образ Петербурга в английской литературе можно найти, пожалуй, лишь в романе начала XX в. «Тайный город» (*The Secret City*, 1919) Хью Уолпола (1884–1941).

Докс – мастер захватывающего повествования. Он искусно использует прием меняющихся точек зрения в повествовании, центром которого поочередно становятся Габриель, Изабелла, Мария, Николас Гловеры, Аркадий и Генри Увейленд. В романе Докса нет положительных или отрицательных персонажей. Он раскрывает их суть, психологию, недостатки и ту гуманность, которая свойственна каждому. Генри – трогательный персонаж в диккенсовской традиции; Аркадий – одаренный, много переживший, но не сломавшийся, – максималист, тонко чувствующий, но ставший жестким, жаждущий «всего или ничего»: «полной жизни, для которой и был предназначен» [1, р. 178]. Это герой скорее в традиции Достоевского и на жизнь смотрит мрачно: «Всё сегодня дерьмо, Генри, – говорит он другу. – Всё». А Генри отвечает ему: «Конечно, всё дерьмо каждый день. Это Россия. Это жизнь» [1, р. 47]. Иным было мировосприятие Марии, матери Аркадия, с которой они «разминулись», и вся ее любовь досталась Габриелю и Изабелле. И для автора важно, что она, их мать, была русской и подарила каждому из них на один из дней рождения «Войну и мир» Толстого с дарственными надписями, полными глубокого смысла. Габриелю она написала: «... надеюсь, однажды ты прочитаешь эту книгу и найдешь в ней всю жизнь, как нахожу ее там я! Жизнь – это всё; это кажется очевидным, но ты будешь изумлен, как много людей забывают об этом. А для Толстого, как и для его Пьера Безухова, единственное обязательство – это сама жизнь: “Жизнь это всё. Жизнь – это Бог”». А Изабелле она написала: «...как говорил Толстой, “в жизни, как и в искусстве, необходимо говорить правду”» [1, р. 412].

Эти дарственные надписи, в которых сформулирована суть того, за что британцы ценят Толстого, много значат, как и сам Толстой, для Э. Докса, который явно не случайно упоминает в романе «Войну и мир».

В 2011 г. он приезжал в Ясную Поляну и представлял там Британию на ежегодной конференции европейских писателей, на которой присуждаются яснополянские литературные премии. И в эссе об этой поездке он упомянул трех писателей, которые важны для него: Диккенс, Толстой, Достоевский. В небольшом докладе, прочитанном в Ясной Поляне, он поведал о посещении Толстым Британии в 1861 г., когда еще не известный никому 32-летний русский писатель был в Лондоне на вечере, где слушал 49-летнего Диккенса: потом на протяжении всей жизни портрет Диккенса висел у него в кабинете. Толстой намеревался открыть школу в своем поместье, и его целью в Британии было изучение британских школ. Он попросил английских школьников написать сочинения о своей жизни и сохранил их. Докс видит источник магического начала в творчестве Толстого как раз в неотразимо притягательной и таинственной непосредственности – особом, детском, качестве воображения русского писателя [2].

Доксу импонирует неприятие в России «пустого, незначительного» разговора (small talk), столь характерного для англичан. И когда в Ясной Поляне он познакомился с писателями – Евгением Водолазкиным и Игорем Малышевым, ему очень понравилось, что буквально через три минуты знакомства разговор пошел о важнейшем – Толстом и Достоевском. На взгляд Докса, Достоевский динамичнее и драматичнее Толстого, возможно, еще и потому, что у него больше поставлено на кон: в отличие от Толстого, ему хорошо знакома проблема, что есть и на что жить, поскольку не было ни гроша.

Так сам Эдвард Докс объяснил свои литературные предпочтения. И его роман «Помоги себе сам» явно продолжает традицию Диккенса и Достоевского, однако очевидно и то, что для автора очень важен и сам Толстой, и его «философия жизни».

Список литературы

1. Докс Э. Помоги себе сам : роман.
Docx E. Self help. A novel. – London : Picador, 2007. – 523 p.
2. Докс Э. Среди русских.
Docx E. Among the Russians // Prospect. – 2011. – 19.10. – URL: <https://www.prospectmagazine.co.uk/magazine/among-the-russians>
3. Докс Э., Сети А. «Мне нравилось быть немного индийцем по крови, но выяснилось, что я русский» [Интервью газете «Гардиан»].
Docx E., Sethi A. ‘I loved being part Indian, but then it turned out I was Russian’ [Interview] // The Guardian. – 2017. – 17.04. – URL: <https://edwarddocx.com/the-guardian-interview/>
4. Докс Э. Из России с любовью.
Docx E. From Russia with love. – 2020. – 30.09. – URL: <https://edwarddocx.com/becoming-russian-the-extraordinary-death-of-my-indian-grandmother/>
5. Шамси К. Двойная жизнь.
Shamsie K. Twin lives // The Guardian. – 2007. – 21.07. – URL: <https://www.theguardian.com/books/2007/jul/21/fiction.featuresreviews1>
6. Эдвард Докс : история моей фамилии.
Edward Docx : the story of my surname // Prospect. – 2011. – 19.12. – URL: <https://www.prospectmagazine.co.uk/arts-and-books/edward-docx-the-story-of-my-surname>